

О 14-омъ Декабря.

«Дней Александровыхъ прекрасное начало» было исполнено надеждъ и ожиданій. Острый уголь зубовской табакерки, казалось, былъ гранью новой, счастливой эпохи. Узнавъ, что вмѣсто Павла царствуетъ молодой Александръ, незнакомые обнимались на Невскомъ „L'Empereur Alexandre regne! revenez, revenez et revenez!“ и хотя царствованье его впоследствии тоже было трагично, какъ и царствованье его отца, но въ началѣ оно какъ бы все освѣщено очаровательной улыбкой юнаго императора. Была ли эта улыбка лицемѣрной, былъ ли Александръ только актеромъ, «сѣвернымъ Тальмой»? Историкамъ, утверждающимъ это, можно противопоставить мнѣнне такого мастера историческаго портрета какъ Ключевскій, такого художника какъ Мережковскій. Если же отказаться отъ гипотезы о сплошномъ лицемѣрїи Александра, надо признать, что въ молодости онъ являетъ собою рѣдчайшій, чуть ли не единственный въ исторїи примѣръ царя — республиканца. Тотъ, кто прочтетъ воспоминанія Адама Чарторійскаго, не можетъ, какъ не могъ и самъ князь Адамъ, не повѣрить искренности этихъ неожиданно открытыхъ ему убѣжденій, не поддастся очарованію дружбы съ юной, прекрасной четой, Александромъ и Елизаветой, ихъ тайныхъ встрѣчъ, прогулокъ, признаній. Здѣсь не можетъ быть сомнѣній, эти отношенія, какъ и отношенія съ другими друзьями его юности, типичны для идеалистической дружбы очень молодыхъ, полныхъ энтузіазма и стремленія къ добру людей. Съ его воцареніемъ эти молодые люди попытались осуществить свои мечты, и на Россію хлынула та волна конституціоннаго либерализма и прожектерства, кульминаціоннымъ и завершительнымъ пунктомъ котораго явилась Пестелевская «Русская Правда». Александръ былъ если не «отцомъ» (потому что далеко не все шло отъ него и онъ не былъ

настолько духовно сильной и творческой личностью, чтобы породить это движеніе), то все же старшимъ братомъ тѣхъ людей, которые съ нимъ боролись, его ненавидѣли и которыхъ мы называемъ декабристами. Можно даже съ нѣкоторой натяжкой сказать, что онъ былъ первымъ декабристомъ. Въдь кому даемъ мы это названіе? Участвовавшимъ въ возстаніи? Многіе декабристы въ немъ не участвовали. Членамъ Тайныхъ Обществъ? Но многіе участвовали въ возстаніи, не будучи членами Обществъ. А отставшіе, или ускользнушіе отъ слѣдствія? Развѣ Орловъ не настоящій декабристъ, развѣ Пушкинъ не братъ ихъ по духу, если не по судьбамъ. Декабристами можно бы назвать связанное между собою общими идеями, общимъ умонастроеніемъ, поколѣніе начала вѣка, первое въ русской жизни вольнолюбивое поколѣніе. Вѣра, энтузіазмъ и ожиданія этого поколѣнія характерны для александровской эпохи. Его гибель ознаменовала наступленіе новаго царствованія. Судьбы отдѣльныхъ представителей этого поколѣнія были не совсѣмъ одинаковы, хотя онѣ и связаны какимъ-то общимъ рисункомъ, общимъ закономъ. И по идеямъ, умонастроенію можетъ быть, даже по судьбѣ царь былъ ближе къ декабристамъ, чѣмъ это съ перваго взгляда представляется. Радищевъ и Новиковъ были люди иного вѣка, иного склада, наконецъ, они были единицами, ласточками, не дѣлающими весны. Александръ и декабристы были представителями цѣлаго движенія. Развѣ не однѣ и тѣ же книги они читали, Локка и Руссо, Плутарха и Тацита? Развѣ не были такими же непрактичными мечтателями романтиками, захотѣвшими «вѣчный полюсъ растопить». Пусть «замерзаніе» Александра было внутреннимъ и болѣе быстрымъ. Что же здѣсь удивительнаго! *Le trône* какъ и *l'obésité*, *oblige*, онъ былъ связанъ мѣстомъ. Право же человѣка въ его положеніи можно не слишкомъ осуждать за неустойчивость республиканскихъ убѣжденій. Менѣе рѣзкую эволюцію вправо продѣлали впослѣдствіи и очень многіе декабристы. Его судьба внѣшне не трагична, его никто не могъ сослать въ Сибирь. Но самъ онъ себя постоянно пересылалъ съ мѣста на мѣсто, онъ носился какъ сумасшедшій по Россіи, управляя ею съ дорожной брички. Это метаніе, это мучительное безпокойство само достаточно опровергаетъ гипотезу о благополучномъ лицемѣ-

рѣ и актерѣ. Почему онъ не арестовалъ членовъ Тайныхъ Обществъ, зная хорошо о ихъ существованіи? Онъ превеличивалъ ихъ силу, это несомнѣнно. Но давать имъ еще разрастаться, и усиливаться, если онъ боялся ихъ, было безуміемъ. Можно предположить, что онъ не арестовывалъ декабристовъ потому что чувствовалъ съ ними свою духовную связь. И не будь онъ царемъ, какъ вѣроятно, что мы увидѣли бы въ слѣдственномъ дѣлѣ и о немъ — «былъ членомъ Общества со знаніемъ цѣли».

Существуетъ замѣчательная книга Семевского о политическихъ идеяхъ декабристовъ, книга Довнаръ-Запольскаго «Идеалы Декабристовъ». Мы хорошо знаемъ, что думали декабристы и къ какому политическому строю стремились, но гораздо меньше знаемъ, каковы они были. Между тѣмъ мы въ послѣднее время научились придавать гораздо меньше значенія въ нашемъ воспріятіи людей, ихъ идеямъ, хотя идеи легче поддаются научному изученію. Пусть лишь въ слабой мѣрѣ можемъ мы познавать прошлое въ его неповторимой индивидуальности и цѣльности. Пусть въ этой области невозможны никакія точныя обобщенія, мы не можемъ все же отказаться отъ нашихъ приблизительныхъ характеристикъ людскихъ группъ, эпохъ, поколѣній.

Тѣ «люди двадцатыхъ годовъ», связанные общей борьбой и гибелью, которыхъ мы называемъ декабристами, при всемъ разнообразіи идей и характеровъ, соціального положенія и мотивовъ, приведшихъ ихъ въ Тайное Общество, являютъ нѣкоторыя общія черты. Въ нихъ была какая-то не только идейная, но и психологическая общность. Были среди нихъ такіе энтузіасты, какъ Рыльевъ, Князь Одоевскій или Каховскій, люди, какъ тогда любили выражаться, «пламенные». Были политическіе мечтатели и теоретики, какъ Никита Муравьевъ, были рожденные повелители людей, какъ Пестель, были и случайные люди. Многихъ привлекала, какъ къ каждому революціонному движенію, та жажда опасности и приключеній, на которую указалъ Левъ Толстой въ своей характеристикѣ революціонеровъ въ «Воскресеніи», и которая естественна въ очень молодыхъ людяхъ. Революція какъ и война всегда будутъ обаятельны для юношей, а среди декабристовъ было много почти мальчиковъ, особенно среди «Общества Объединенныхъ Сла-

ванъ». Несомнѣнно, что Ипполитъ Муравьевъ вѣхалъ къ брату съ тѣми же чувствами, какъ Петя Ростовъ на войну. Были и влїянія знакомыхъ, или старшихъ товарищей, наконецъ, просто мода: элементъ соціальнаго зараженія силенъ въ каждомъ массовомъ движеніи, и, можетъ быть, не было простою уловкою показаніе Муханова, что онъ вступилъ въ Тайное Общество «видя въ немъ молодыхъ людей хорошихъ фамилій». Большинство указывало какъ на мотивы своего участія въ движеніи на либеральныя политическія идеи, почерпнутыя изъ книгъ, на влїяніе заграничныхъ походовъ, на вредную для Россіи политику Александра Перваго. Но мало было имѣть и д е и, за нихъ нужно было бороться и приносить себя въ жертву. На жертву же и борьбу движеть или сильный личный интересъ или активный и д е а л и з м ъ.

Этотъ идеализмъ и есть то, что присуще всѣмъ декабристамъ, что характеризуетъ и объединяетъ ихъ всѣхъ. Тѣ или иные личные мотивы могли быть у тѣхъ или иныхъ участниковъ движенія. Эгоистическое чувство сильно въ человѣкѣ и какъ незримое красящее вещество тайно окрашиваетъ совершенно далекія отъ него душевныя движенія. Батенковъ могъ предаваться «честолюбивымъ мечтамъ» о своемъ участіи въ будущемъ временномъ правительствѣ. Пестель могъ чувствовать, что онъ призванъ стать русскимъ Вашингтономъ или Наполеономъ. Братья Бѣляевы наканунѣ возстанія уже совсѣмъ невинно и наивно «восхищались торжествомъ, если будетъ удача, и воображали, какъ народъ будетъ привѣтствовать ихъ, какъ избавителей своихъ». Бестужевъ-Марлинскій, хотя и съ умысломъ клеветалъ на себя передъ слѣдственной Комиссіей, когда говорилъ, что готовъ всѣ конституціи и революціи отдать за флигель-адъютанскіе аксельбанты, но и на самомъ дѣлѣ можетъ быть его горячей головѣ не были чужды мечты объ аксельбантахъ революціонныхъ. А на случай неудачи утѣшалъ онъ себя славой въ исторіи — «страницы напишутъ!»... Авантюристъ и бреттеръ Якубовичъ могъ думать объ удовлетвореніи личной мести или замаскированномъ самоубійствѣ: «Я жестоко оскорбленъ царемъ... Двѣ страсти движутъ мнѣ: это благодарность и мщеніе... Я сдѣлаю свое... Коли удастся послѣ этого — я разуюю знамя свободы, а не то истреблюсь: мнѣ раскучила жизнь». Но благородный металлъ идеализма и жертвен-

ности никогда не бываетъ явленъ намъ въ чистомъ видѣ безъ примѣсей и шлаковъ. Даже афинированный долгой работой высокаго духа, онъ содержитъ въ себѣ и неблагородные сплавы. Но это не значитъ, что его не существуетъ. Декабристы шли на свой подвигъ движимые любовью къ отечеству и свободѣ.

Напрасно марксистскіе историки пытаются найти въ ихъ дѣйствіяхъ классовый эгоизмъ. Предвосхитившій классовую точку зрѣнья Растопчинъ недаромъ недоумѣвалъ, что во Франціи революцію сдѣлали сапожники, а у насъ дворяне, которые, очевидно, захотѣли стать сапожниками. За исключеніемъ армейскихъ офицеровъ изъ Общества Объединенныхъ Славянъ — декабристы принадлежали къ средне-высшему и высшему слою дворянства. И они явно захотѣли въ «сапожники». Мы видимъ какъ Пущинъ становится надворнымъ судьей (вещь небывалая по тѣмъ временамъ, не безъ основанія напугавшая кн. Юсупова : «Надворный судья танцуетъ съ дочкой генераль-губернатора! Тутъ кроется что то необыкновенное»). Рылѣвъ тоже становится судьей и какимъ судьей! Недаромъ мѣщанинъ, которому грозили судомъ, не испугался, а обрадовался, узнавъ, что его будетъ судить Рылѣвъ. Тургеневъ, Лунинъ освобождаютъ своихъ крестьянъ. Волконскій, Трубецкой, Пестель жертвуютъ открытой передъ ними блестящей карьерой. Рылѣвъ, Розень, многіе другіе разрушаютъ свое семейное счастье. Нельзя безъ волненія читать описаніе прощанья Рылѣва съ женой, слышать этотъ ея душераздирающій крикъ : «Настенька, проси отца за себя и за меня!» И это была не ставка на карту, не рискъ для выигрыша, а жертва безъ надежды на успѣхъ. Въдъ сознанье безнадежности дѣла свободы было почти у всѣхъ вождей декабристовъ. «Умремъ, ахъ какъ славно мы умремъ!»... восклицалъ Одоевскій. «Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется» говорилъ Рылѣвъ. Даже Пестель, по собственному признанію изъ крѣпости, наканунѣ ареста «внутренне колебался» а, по свидѣтельству Лорера, «отчаивался» въ возможности успѣха.

Двигали ими любовь къ родинѣ или, какъ тогда предпочитали говорить, «отечеству» и свободѣ. «О, свобода, свѣточъ ума, теплотворъ жизни» писалъ Каховскій царю изъ крѣпости. «Свобода обольстительна и я, распаленный ею, увлекъ другихъ. Я прихожу въ раздраженье,

когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество». «Рылѣевъ привѣтствовалъ меня (на Сенатской площади) первымъ цѣлованіемъ свободы... Мы дышали свободой, увы дыханіе уже стѣснялось въ груди», пишетъ Бестужевъ. Таковы были вожди... Но вотъ рядовой, почти случайный декабристъ Булатовъ. Онъ смутно понимаетъ, что дѣло идетъ объ «отечественной пользѣ», тщетно добивается узнать, въ чемъ эта польза и, благословивъ своихъ двухъ малютокъ, готовится къ гибели. О «свободѣ, величій и счастья отечества» говорятъ другіе рядовые декабристы, братья Бѣляевы. «Передъ тѣмъ какъ выходить къ батальону я бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, вспомнилъ... мать, сестеръ, которыхъ единственными опорами были мы одни, представилъ себѣ послѣдствія этой рѣшимости... и тяжела была борьба чувствъ, но долгъ принести въ жертву отечеству самое счастье матери и сестеръ побѣдиль». Но не стоитъ умножать цитаты. Пламенная любовь къ отечеству декабристовъ не оставляетъ сомнѣній.

Это идеалистическое поколѣніе было поколѣніемъ романтиковъ. Не даромъ среди нихъ былъ одинъ изъ многихъ русскихъ романтическихъ писателей — Бестужевъ-Марлинскій, поэты романтики Кюхельбекеръ и Одоевскій. Пушкинъ былъ близокъ декабристамъ именно въ періодъ своего романтизма. Кто изъ нихъ не читалъ его, какъ выражается Штейгель, «статьи, подобныя Разбойникамъ — Братьямъ» и не «сетировалъ» его рукописныхъ стиховъ. Можно утверждать что романтизмъ въ Россіи почти не существовалъ какъ литературное теченіе, но что стихія романтики нашла себѣ выраженіе въ политическихъ идеяхъ и движеніяхъ. Никакое жизненное прикосновеніе къ реальной политикѣ не было возможно въ Россіи, и, потому, дѣйствительность не умѣряла, не охлаждала романтическихъ порывовъ, а только безжалостно и грубо губила революціонное поколѣніе за поколѣніемъ. Этотъ духъ романтики внутренне нетронутымъ одно погибшее поколѣніе и передавало другому, и отклики его мы слышали въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ еще совсѣмъ недавняго прошлаго. Но кто хочетъ услышать можетъ быть самую высокую ноту этого романтизма, пусть познакомится съ исторіей декабристовъ, пусть прочтетъ хотя бы «Правила Общества Соединенныхъ Славянъ» или ихъ «Клятвенное Обѣщаніе»: — «Я торжественно присягаю на

семь оружіи на взаимную любовь, что для меня есть Божествомъ. Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ, вѣчно быть вѣрнымъ нашей цѣли... Самый адъ со всѣми его ужасами не вынудитъ меня указать моимъ тиранамъ моихъ друзей... Пройдя тысячи смертей, тысячи препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ!»... Кто не почувствуетъ характерно романтическаго тона этихъ словъ! И онъ же явственно звучитъ въ стихахъ Рылѣва, въ рѣчахъ Бестужева-Рюмина, въ письмахъ Каховскаго, въ клятвахъ, въ мечтахъ, въ совѣщаніяхъ. Звучитъ очень высокой нотой, — вотъ - вотъ грозящій сорваться, но чисто и искренне.

Александръ Первый умеръ. Теперь или никогда должны были декабристы попытаться осуществить свои цѣли. Столкновеніе не на жизнь, а на смерть между группой людей, равшейся къ новизнѣ и свободѣ, со всѣмъ многовѣковымъ укладомъ русской жизни, со стихіей тяжести и косности, было неизбѣжно. Все, что было неподвижнаго, коснаго, устойчиваго въ русской жизни, нашло себѣ символъ и вождя въ новомъ царѣ. Въ Николаѣ было много достоинствъ : воля, выдержка, преданность долгу, *beau-coup de прапорщикъ*, но и *un peu de Pierre le Grand* по слову Пушкина. Была въ немъ жестокость, но не жестокость характерна для него, а тяжесть, неподвижность, н е д у х о в н о с т ь. Онъ органически не терпѣлъ никакой «умственности», не любилъ искусства и литературу : онъ съ презрѣніемъ, брезгливо покровительствовалъ Пушкину, съ радостью ссылалъ Лермонтова, (*bon voyage monsieur Lermontoff*), погубилъ Полежаева. Онъ, правда, любилъ театръ, но только какъ развлеченіе и забаву. Если считать духовную неподвижность главнымъ признакомъ мѣщанства — Николай былъ истиннымъ мѣщаниномъ. Впрочемъ отъ пошлости мѣщанства его отдѣляла нѣкоторая строгость и монументальность личности. Но и эта монументальность была тяжелая, *terre à terre*. Недаромъ такъ каменно неподвижно само его лицо. Такая же тяжелая косность была въ его внука Александрѣ Третьемъ, но болѣе домашняя, простая. Здѣсь же была нѣкоторая ложно-романтическая эмфаза, торжественная официальность. Все въ немъ скучно и хмуро : его шутки, его семейственность и даже его измѣна женѣ съ корректнѣйшею изъ фрейлинъ... Официальная тяжелая скука нависла надъ Рос-

сіей, изъ которой не могли ее вывести ни громы побѣдъ, ни музыка стиховъ. Гдѣ-то литераторъ Пушкинъ писалъ стишки, но если былъ поэтъ у режима, то это былъ Бенедиктовъ. Чиновничество, дворянство нашли царя себѣ по сердцу. Пусть его не долюблявало за строгость и грубость гвардейское офицерство. Все же онъ былъ безконечно ближе ему, чѣмъ тѣ нѣсколько сотъ мечтателей въ офицерскихъ мундирахъ, которые хотѣли въ будущемъ Богъ вѣсть чего, отмѣняли палки и обращались ласково съ солдатами. Пока они казались безобидными и на новизну и оппозицію была мода, ихъ терпѣли. Но когда они перешли отъ словъ къ « безумному бунту » и оказались въ тюрьмѣ, отъ нихъ отвернулись съ ненавистью и презрѣньемъ. Кто, кромѣ близкихъ родныхъ, пожалѣлъ декабристовъ, посочувствовалъ имъ? Да и родные... Вспомните Одоевскаго, котораго отвезъ во дворецъ родной дядя, и княгиню Волконскую, танцовавшую съ царемъ полонезъ въ день, когда заковали ея сына.

Въ этой борьбѣ Николая за свою самодержавную власть — за него была не только поддержка социально-сильныхъ слоевъ народа. За него была и внутренняя цѣльность его личности и идеологіи. Въ немъ жило глубокое убѣжденіе въ пользѣ и святости самодержавной власти. Это убѣжденіе — единственное, что можно было бы назвать мистическимъ въ его трезвой душѣ. Какъ подчеркиваетъ онъ, какъ благоговѣнно высказываетъ свое вѣрноподданничество братьямъ, Александру и, въ періодъ междуцарствія, Константину. Они братья, не какъ самодержцы, — существа иного высшаго порядка. Это убѣжденіе, неразрывно слитое съ личными и семейными интересами, дѣлало сильную волю царя непобѣдимой въ защитѣ трона, своего трона. Онъ упрямо, наперекоръ завѣщанію Александра и всѣмъ уговорамъ, присягнувъ Константину, желая устранить всякое подозрѣніе противъ себя въ незаконномъ захватѣ власти или опасаясь переменъ рѣшенія со стороны брата. Наканунѣ 14 декабря онъ пишетъ свое извѣстное письмо : « завтра я царь, или безъ дыханія ». Если официальная исторія и преувеличиваетъ героизмъ его поведенія, то все же нельзя не признать, что оно было мужественнымъ. Съ утра онъ на конѣ, уговариваетъ толпу, уговариваетъ войска, распоряжается всѣмъ и, будучи по натурѣ очень трусливымъ, напряженіемъ воли заставляетъ себя цѣлый день подвергаться опасности. Только

чудомъ не падаетъ онъ отъ пистолета Якубовича, Каховскаго или Булатова. Но никто изъ нихъ не рѣшился выстрѣлить. Самъ же онъ безжалостно разстрѣливаетъ картечью мятежниковъ. Потомъ безъ сна, безъ отдыха, сутки напролетъ допрашиваетъ арестованныхъ, превращается въ хитраго слѣдователя, идетъ на всѣ уловки, чтобъ добраться до корня, лжетъ, притворяется, играетъ комедію (будучи по натурѣ человѣкомъ прямымъ и правдивымъ). Онъ очень отвратителенъ въ это время. Въ преданьяхъ Чека надо будетъ искать подобнаго тюремщика. Но нельзя отрицать въ немъ воли и силы.

Надо признаться, что въ этой борьбѣ Николай не только внѣшне оказался сильнѣе своихъ противниковъ. Вообще это поколѣніе идеалистовъ-романтиковъ являетъ намъ мало сильныхъ характеровъ. Когда судьба столкнула ихъ съ твердой глыбой самодержавія, съ твердой волей молодого самодержца, они разбились какъ волны объ утесъ, по образу Тютчева, погибли явивъ въ своей гибели растерянность и слабость. Есть нѣсколько исключеній, но нѣтъ никого кто могъ бы войти въ ту галерею стальныхъ людей, которыхъ много въ послѣдующихъ поколѣніяхъ революціонеровъ. Закалъ Нечаева, Желябова, Перовской, Мышкина, Александра Михайлова и столькохъ другихъ былъ чуждъ декабристамъ, и особенно ихъ вождямъ. Вотъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ русскихъ людей 19-го вѣка, Лунинъ, тотъ, по слову Пушкина,

« Другъ Марса, Вакха и Венеры »,
 который . . . « Дерзко предлагалъ
 Свои рѣшительныя мѣры » . . .

Лунинъ, котораго предназначали за дерзкую отвагу быть предводителемъ « *сoñotte perdue* » цареубійць, былъ слишкомъ порывистъ и импульсивенъ для вождя. Къ тому же онъ былъ человѣкомъ духовныхъ интересовъ, а не дѣйствія. Онъ былъ братъ по духу такихъ людей какъ Чаадаевъ или Печеринъ. Какъ чувствительнѣйшій сейсмографъ онъ предчувствовалъ рядъ духовныхъ бурь и теченій, которыми впоследствии жила Россія. Въ его міровозрѣніи сплелись вліянія католицизма и сень-симонизма, идеи свободы и теократіи. О его храб-

рости, дерзости, находчивости сохранилось множество преданій. Но люди истинной дѣйственной силы не бываютъ такъ утонченны и сложны. Если Лунинъ самый яркій изъ декабристовъ, то Пестель былъ самымъ крупнымъ изъ нихъ. «Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова» писалъ о немъ Пушкинъ. Онъ импонировалъ и друзьямъ и врагамъ почти гениальной силой своей логики и громадной эрудиціей, а друзей и враговъ у него было много: онъ или покорялъ себѣ людей или отталкивалъ ихъ нѣкоторой черствостью натуры. Врагамъ онъ казался честолюбцемъ и властолюбцемъ. Разумѣется, было въ немъ и большое честолюбіе. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кого отравила наполеоновская легенда, однимъ изъ многихъ «наполеонидовъ» той эпохи. Захватили бы онъ власть въ случаѣ успѣха или пошелъ бы въ Лавру монахомъ, какъ говорилъ друзьямъ, — кто знаетъ. Религіозность его была своеобразной, Пушкина поразила его фраза «mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y oppose». Въ этой фразѣ сказался ученикъ философовъ 18-го вѣка. Его рационализмъ виденъ и въ томъ, какое значеніе онъ придавалъ написанію своей «Русской Правды», едва ли не большее чѣмъ созданію Общества и возстанію. Надо только выработать детальный и полный планъ спасенія Россіи, а остальное приложится. Это почти граничило съ своеобразнымъ рационалистическимъ безуміемъ. Онъ былъ крупнымъ политическимъ теоретикомъ, но не тѣмъ «Кормщикомъ умнымъ», о которомъ писалъ Пушкинъ. Онъ только строилъ корабль и чертилъ планы недостигнутой гавани; въ бурю же растерялся и пустилъ корабль на волю вѣтровъ. Пестель не сдѣлалъ даже попытки къ дѣйствию, далъ себя арестовать, хотя могъ не допустить до ареста. Воля его была какъ бы п а р а л и з о в а н а потерей вѣры въ свое дѣло, почти отчаянемъ, владѣвшимъ имъ въ это время.

Другой вождь Южнаго Общества, Сергѣй Муравьевъ, былъ во многомъ полной противоположностью Пестелю. Тотъ покорялъ умы своей логикой, этотъ привлекалъ всѣ сердца. Онъ самъ былъ человѣкомъ большого сердца, горѣлъ чистымъ огнемъ любви къ людямъ. Какъ характерно для противоположности этихъ двухъ вождей Южнаго Общества ихъ отношеніе къ солдатамъ. Полкъ Пестеля д о л ж е нъ былъ стать первымъ, лучшимъ чѣмъ гвардейскіе полкомъ. Когда онъ не смогъ достичь этого

мѣрами убѣжденія, онъ, демократъ и революціонеръ, прибѣгъ къ палкамъ. Муравьевъ же упалъ въ обморокъ, узнавъ о тѣлесномъ наказаніи двухъ солдатъ его полка. Недаромъ солдаты обожали его. « У насъ ничего не бойтесь, говорите все и при всѣхъ, я вамъ это докажу ». Онъ тотчасъ выстроилъ какую-то команду и спросилъ ее : ребята, пойдете-ли за мною, куда ни захочу ? — « Куда угодно, былъ отвѣтъ ». И, дѣйствительно, полкъ пошелъ за своимъ командиромъ на возстанье. Но вель онъ его такъ неудачно и съ такимъ невѣріемъ въ успѣхъ и отчаяньемъ въ душѣ, что далъ поводъ къ упрекамъ въ недостатокѣ личной храбрости. Въ немъ было рѣдкое и цѣнное соединеніе женственной мягкости и строгой нравственной выскоты. Но увы, можетъ быть, въ его обаятельной личности мягкость преобладала !

Муравьевъ былъ какъ дѣйственный революціонеръ выше Пестеля, но истинное чудо совершилъ энтузіазмъ Рылѣва. Несмотря на то, что въ Петербургѣ Общество было много слабѣе, чѣмъ на югѣ, Рылѣвъ сумѣлъ поднять возстанье. Онъ правильно говорилъ, что « онъ одинъ могъ все остановить ». Недолгое время междуцарствія онъ горѣлъ и зажигалъ другихъ. Вотъ какъ рассказываетъ о немъ Михаилъ Бестужевъ : « Онъ былъ нехорошъ собою, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему — на любовь къ родинѣ — физиономія его оживлялась, черные какъ смоль глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавное какъ огненная лава ». Рылѣвъ былъ изумительнымъ пропагандистомъ, и лишь отчасти, организаторомъ возстанья. Но онъ не могъ быть его руководителемъ : онъ былъ вѣдь поэтъ, а не воинъ. Военнымъ руководителемъ выбрали Князя Трубецкого, одного изъ главныхъ виновниковъ неудачи возстанья. Онъ не явился на площадь и оставилъ войска безъ вожда, преступленье, на войнѣ караемое смертью. Этимъ ли, или полной откровенностью на допросахъ онъ купилъ себѣ помилованье, о которомъ молилъ на колѣняхъ : « La vie, Sire, la vie ! ». И все же онъ былъ не плохимъ человѣкомъ, только безконечно слабымъ, можетъ быть, слабость да тщеславіе и бросили его въ омутъ политическаго заговора. И его-то выбрали декабристы диктаторомъ ! Полною противоположностью этого поверхностнаго, свѣтскаго человѣка, былъ другой князь — Оболенскій. Это одинъ изъ тѣхъ изумительныхъ русскихъ князей,

которыхъ, кажется, нигдѣ въ мірѣ больше не встрѣтишь, и въ которыхъ аристократическая, народная и высоко-человѣческая душевная простота сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Но не ему, мучившемуся угрызениями совѣсти за убійство на дуэли, бывшему немного толстовцемъ *avant la lettre*, было по силамъ взять на себя ответственное, тяжѣлое, кровавое дѣло руководства возстаніемъ, хотя изъ бывшихъ на площади офицеровъ онъ, пожалуй, единственный могъ это сдѣлать по положенію адъютанта Командира Гвардіи.

Такъ лишенный руководства прошелъ этотъ долгій «стоячій бунтъ» 14-го декабря, въ то время, какъ только активность могла увлечь колеблющіеся полки. Цѣлый рядъ обстоятельствъ благопріятствовалъ заговорщикамъ: долгое междуцарствіе, когда «братья играли короной въ волянь», распоряжались Россіей, какъ семейной вотчиной, «подносили ее другъ другу, какъ чай, отъ котораго отказываются»; естественная подозрительность солдатъ по случаю вторичной присяги; нерасположеніе гвардіи къ Николаю; широко распространенное, хотя и поверхностное оппозиціонное настроеніе. Но вожди возстанія не рѣшились ни бросить въ солдатскую массу лозунги, способные ее увлечь (уменьшеніе срока службы), ни воспользоваться помощью сочувствовавшего имъ столичнаго простонародья. Они не попытались захватить дворецъ и крѣпость, что было возможно. Они не захватили или не убили царя, хотя долго и мучительно думали о царубійствѣ. Они просто подставили себя подъ картечь.

Чѣмъ объяснить эту растерянность и бездѣйственность? Однимъ ли отсутствіемъ сильныхъ характеровъ? Тѣмъ ли, что эти романтики-идеалисты были слишкомъ благородны, боялись пролить братскую кровь, боялись анархій? «Съ этими филантропами ничего не подѣлаешь!» — восклицалъ буйный Каховскій. Все это, несомнѣнно, было, и слабость и «филантропія», но достаточно ли этихъ объясненій? Я позволю себѣ указать еще на одно обстоятельство, сыгравшее нѣкоторую роль въ психологіи декабристовъ. Въ нихъ, или почти во всѣхъ изъ нихъ, была внутренняя раздвоенность, нецѣльность, независимо отъ личной рѣшительности и храбрости. Самодержавіе было еще слишкомъ сильно, слишкомъ неизжито и въ жизни и въ сознаніи русскихъ людей, когда они, маленькая кучка молодыхъ людей, бросили ему вызовъ. Кто знаетъ, не имѣло

ли оно корней и въ ихъ собственныхъ душахъ? Ихъ республиканизмъ и свободолюбіе были слишкомъ недавняго происхожденія, слишкомъ книжны и теоретичны, чтобы быть до конца устойчивыми. Между тѣмъ монархическія традиціи и чувства, любовь къ царю, неразрывная связь его образа съ образомъ родины, воспитывались съ дѣтства, питались всей окружающей атмосферой. Не казался ли имъ втайнѣ безумнымъ и святотатственнымъ ихъ актъ возмущенія и, во всякомъ случаѣ, не казался ли онъ дерзновеннымъ и обреченнымъ на неуспѣхъ? Если первое — только наше предположеніе, то второе подтверждается многими свидѣтельствами. Большинство вождей возстанія не вѣрило въ его успѣхъ, и это создавало чувство обреченности, парализовало рѣшимость и волю.

Предположеніе о подсознательной раздвоенности въ душахъ декабристовъ способно многое объяснить и въ ихъ поведеніи на слѣдствіи. Знакомство съ подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ о нихъ приподняло завѣсу надъ самой тягостной страницей ихъ исторіи. Большинство изъ нихъ говорило слишкомъ много, есть показанія, граничащія съ предательствомъ, и почти всѣ, если не оговаривали сами товарищей, то подтверждали чужіе оговоры. Моральная пытка, которымъ ихъ подвергъ Николай, были очень тяжки. Но такимъ же моральнымъ пыткамъ подвергались безчисленныя поколѣнія русскихъ революціонеровъ и однако большинство изъ нихъ держалось на слѣдствіи достойно, даже тѣ, которые по душевнымъ силамъ и моральной высотѣ не могутъ равняться съ Одоевскимъ, Оболенскимъ или Рылѣвымъ. Но послѣдующіе революціонеры имѣли за собою долгую традицію и школу борьбы. Въ этой школѣ выработалась и усовершенствовалась техника поведенія на слѣдствіи: отказъ отъ показаній, недоверіе къ угрозамъ, пониманіе того, что безъ оговоровъ слѣдствіе безсильно; между тѣмъ какъ декабристы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ думали, что правительство все равно все знаетъ или узнаетъ. Кромѣ того, хотя предательство притгъ самому элементарному моральному чувству, но только въ самозащитѣ отъ него революціонеры выработали то крайнее, предѣльное моральное отвращеніе къ нему, которое дѣлаетъ его тягчайшимъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ преступленіемъ, за которое нѣтъ прощенья (какъ и первые христіане въ аналогичныхъ обстоятельствахъ

назвали грѣхъ Іуды тягчайшимъ изъ всѣхъ грѣховъ). Эта мораль, приводившая къ убійству, а въ легкихъ случаяхъ къ полному бойкоту предателей, была чужда декабристамъ. Мало того, даже мысль о доносахъ для благой цѣли, повидимому, не была чужда нѣкоторымъ изъ нихъ. Такъ Рылѣевъ хотѣлъ донести на Якубовича, чтобы удержать его отъ преждевременнаго царубійства. Такъ въ головѣ Пестеля, по свидѣтельству Лорера, бродила мысль принести повинную царю, и открыть ему существованіе Общества, чтобы такимъ путемъ добиться конституціи. О готовности своей донести рассказываетъ въ показаніяхъ (можетъ быть клевета на себя) и Батенковъ. Послѣ суда всѣ декабристы до конца простили другъ другу поведеніе на слѣдствіи и тѣ, которые были погублены товарищами, жили съ ними въ безмятежномъ мирѣ и дружескомъ общеніи. Даже злостный предатель Ипполитъ Завалишинъ не подвергся общественному бойкоту. Очевидно, было что-то въ ихъ психологіи и въ ихъ обстоятельствахъ, не вполне понятное намъ, но дѣлавшее ихъ поведеніе только простительной ошибкой.

Мы думаемъ, что однимъ изъ такихъ обстоятельствъ было то, что они не чувствовали со строемъ, съ которымъ боролись, того полнаго, непримиримаго антагонизма, той вражды, которая придаетъ силы и слабымъ. Они не чувствовали себя, какъ послѣдующіе революціонеры, въ волнѣ растущаго революціоннаго движенія, не были членами продолжающихъ борьбу, связанныхъ дисциплиной партій. Съ ихъ арестомъ — въ борьбѣ за свободу наступалъ полный перерывъ, пустота и отчаянье. Съ врагами, съ которыми продолжается борьба, не разговариваютъ. Но какъ не разговаривать съ окончательно побѣдившимъ противникомъ, на милость котораго отдаешься и съ которымъ чувствуешь еще не вполне порванную, гдѣ-то глубоко вкоренившуюся связь? Какъ было не разговаривать со вчерашними начальниками и сослуживцами, съ царемъ, котораго съ дѣтства учили обожать? Николай воспользовался этой психологіей съ необыкновеннымъ искусствомъ. И вотъ мы видимъ его не только карающимъ и грозющимъ, но и фамиліарно гуляющимъ подъ руку съ молодымъ офицеромъ Гангеловымъ, цѣлующимъ «старога товарища» Булатова, ведущимъ дружескія бесѣды съ царубійцей Каховскимъ, съ Рылѣевымъ. И Каховскій восхищается тѣмъ что царь «не презираетъ именемъ русскаго», что онъ го-

ворить «я есть первый гражданинъ отечества». Всѣ безчисленные выраженія вѣрноподданчества въ письмахъ и показаніяхъ декабристовъ не были только ложью. Въ нихъ подъ вліяніемъ отчаянья и разочарованія проснулись монархическія чувства, проснулся духъ Маркиза Позы, безумная надежда раскрыть правду царю и убѣдить его въ необходимости реформъ. И если этой высокой цѣли нужна была откровенность по отношенію прежде всего самого себя, но также и другихъ, они шли на это и давали показанія. Въ нихъ самихъ была доля тѣхъ чувствъ, которыя продиктовали отцу Пестеля слова: «Павелъ ведетъ себя благородно, раскаивается...»

День 14 декабря, первая великая дата русской свободы, тотъ единственный день, который освятилъ ихъ жизни и придалъ имъ непреходящій смыслъ, былъ позади... Повѣщенные были повѣшены, остальнымъ даровали жизнь. Пять казней за вооруженное возстанье и планы царевубійства не кажутся болѣе ужасающей жестокостью намъ, видѣвшимъ какъ разстрѣливаютъ десятками за покушеніе на убійство селькора или «экономическій шпионажъ». Но тогда онѣ потрясали Россію, 112 человекъ были осуждены къ разнымъ срокамъ каторги и ссылки. Имъ была оставлена жизнь, но жизнь этихъ въ большинствѣ очень молодыхъ людей, была уже только доживаньемъ.

Нельзя сказать, что царь проявилъ въ мѣрахъ наказанія своихъ враговъ, оставшихся его кошмаромъ на всю жизнь (ему всюду мерещились „ses amis du quatorze“), очень большую жестокость. Законы требовали наказаній болѣе строгихъ. Только первые, попавшіе въ Акатуй къ Бурнашеву, декабристы узнали весь ужасъ русской каторги. Бурнашевъ жалѣлъ, что инструкции предписываютъ ему заботиться о здоровьи заключенныхъ и, слѣдовательно, не позволяють «вывести ихъ всѣхъ въ расходъ». Но начальникомъ Читинской тюрьмы и Петровскаго Завода, гдѣ сосредоточили всѣхъ декабристовъ, былъ назначенъ Лепарскій, человекъ исключительно добрый, который создалъ имъ жизнь сносную. Вѣроятно, это было сдѣлано царемъ сознательно, т. к. онъ лично зналъ Лепарскаго, какъ преданнаго ему, но мягкаго и тактичнаго человека. По капризу и парадоксу судьбы тѣмъ, которые были осуждены легче, въ ссылку на поселеніе, пришлось хуже, чѣмъ осужденнымъ на каторгу. Они оказались лишенными тѣхъ огромныхъ духовныхъ и матеріальныхъ благъ, которые да-

вало декабристамъ товарищеское общенье въ той своеобразной артели, въ томъ импровизированномъ университетѣ или обществѣ взаимнаго обученія, въ которыя превратилась для декабристовъ ихъ каторга. Въ ссылкѣ декабристы часто дичали и голодали. На каторгѣ же они учились, играли въ шахматы, спорили, а каторжные работы сводились къ прогулкѣ на окраину подъ конвоемъ, гдѣ желающіе мололи хлѣбъ на ручной мельницѣ. Соціальный вѣсъ знатныхъ и богатыхъ родственниковъ медленно, но вѣрно дѣлалъ свое дѣло для облегченія ихъ участи. Въ Сибирь шли цѣлыя подводы продуктовъ, мебели, книгъ. Потомъ по амнистіямъ декабристы вышли на поселеніе и расселились по сибирскимъ городамъ и селамъ. Населеніе встрѣтило ихъ радушно.

Жестокость Николая выразилась не въ крутыхъ мѣраxъ, а въ систематической неослабности преслѣдованія. Скупю отцѣживая имъ смягченія каръ по разнымъ официальнымъ поводамъ, онъ въ сущности никого по настоящему не простилъ, ни съ кѣмъ не примирился за всѣ 30 лѣтъ своего царствованія. Онъ не позволялъ ихъ женамъ брать съ собой въ Сибирь дѣтей, ни одной изъ нихъ не разрѣшилъ вернуться въ Россію, требовалъ отказа отъ имени отца для поступленія въ учебныя заведенія дѣтей, родившихся въ Сибири, не позволялъ декабристамъ даже свободно передвигаться по Сибири. Жизнь смягчала эту жестокость, мѣстное начальство на многое смотрѣло сквозь пальцы...

И все же, несмотря на сравнительную мягкость постигшей ихъ кары судьба декабристовъ наполняетъ сердце жалостью и болью. Жизни этихъ людей оказались въ большинствѣ случаевъ не ярко драматическими, романтическими, а обычными русскими сѣрыми и тяжелыми жизнями. Они были вырваны изъ своей среды, изъ своей сферы, нарушена была цѣльность, полнота и послѣдовательность жизненнаго рисунка. Многие, вѣроятно, отъ этого погибли раньше времени. Каково было прелестной, честолюбивой и безконечно вспыльчивой и горячей А. Г. Муравьевой, которая мечтала для мужа о высшихъ почестяхъ, увидѣть своего бѣднаго Никитушку, лишеннаго всякихъ надеждъ, во власти грубаго низшаго начальства! Это доводило ее до обмороковъ и доводило до смерти. Немногіе были способны создать такую богатую или творческую внутреннюю жизнь, которая вознаградила бы за искалѣченную

внѣшнюю. Можно предполагать, что Пушкина спасла бы судьба декабристовъ. Но средніе люди, предназначенные для житейской внѣшней дѣятельности, были ея лишены и мѣстное начальство доносило о нихъ: «занимается чтеніемъ книгъ». Многие ушли въ тяжелую борьбу за существованіе, пахали землю, устраивали заводы. Кое какой свѣтъ культуры, утонченности, добра внесли они въ занесенные сѣвгомъ, погруженные въ тяжелую и сытую матеріальную жизнь, сибирскіе города и вѣси. Такъ въ слабое тепло претворилась яркая романтическая «пламенность» ихъ юности. Впрочемъ, нѣсколько искръ ихъ революціоннаго пламени запало въ другія души (напримѣръ Герцену и Огареву). И хотя не сбылось при жизни ихъ предсказаніе Пушкина, о томъ, что «братья мечь имъ отдадутъ» и до сихъ поръ не «рухнули темницы» на родинѣ, но подъ знакомъ вѣчности, конечно, правъ былъ Пушкинъ, когда говорилъ:

Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье!

Мих. Цетлинъ.